ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
1963, том XXII, вып. 5
сентябрь — октябрь

РЕЦЕНЗИИ

Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л. Изд-во АН СССР, Казанский филиал, 1960, 322 стр.

Перед нами книга, куда наряду с неизвестными до сего времени татарскими памятниками вошли также ранее изданные и исследованные разными авторами булгарские эпитафии. Труд Г. В. Юсупова имеет определенную ценность как наиболее полная публикация булгарских и татарских эпитафий. Книга состоит из трех неравных по объему глав, приложения в виде 77 таблиц, а также 11 текстов.

В первой главе содержится краткая история вопроса. Вторая глава посвящена местонахождениям булгаро-татарских эпиграфических памятников. В третьей главе, названной «Булгаро-татарские эпиграфические памятники XIII—XVII вв.», разбираются булгарские надгробия первого (XIII—XIV вв.) и второго (XVI—XVII вв.) стилей.

Г. В. Юсупов поставил главной целью доказать ненаучность так называемой «теории булгарского происхождения чуваш» и их языка и «показать преемственную связь памятников эпохи Казанского ханства с булгарскими памятниками как в языковом, так и типологическом отношениях». Чтобы показать существование «центров двух генетически связанных и исторически сменивших друг друга культур», т. е. булгарской и казанско-татарской, автор сконцентрировал свое внимание на материалах эпитафий XIII—XIV вв., с одной стороны, и XV—XVI вв.— с другой.

Нет никакого сомнения, что книга Г. В. Юсупова вызовет большой интерес у историков-эпиграфистов. Здесь же мы остановимся главным образом на вопросе о языковом материале памятников второго стиля с так называемыми «чувашизмами», вокруг которого уже не одно десятилетие идет научная полемика. Решение его Г. В. Юсуповым вызывает ряд серьезных возражений.

Г. В. Юсупов отвергает существующие точки зрения относительно булгаро-чувашских языковых связей; по его словам, Н. И. Ильминский «для обоснования теории булгарского происхождения чуваш» использует открытие Х. Фейзханова. Н. И. Ашмарин допускает «в интересах теории булгарского происхождения чуваш» «искусственную лингвистическую натяжку», «искажение фонетической транскрипции», Н. Ф. Катанов «также отождествляет язык этих памятников с чувашским», у С. Е. Малова проявляется «все та же тенденция отождествления чуваш с булгарами», Али Рахим неправомерно заявляет, что «памятники 2-го стиля, возможно, принадлежали чувашам-мусульманам», Н. Ф. Калинин не сумел в своей классификации эпитафий показать «преемственную связь булгарской и татарской эпиграфики», утверждения Б. А. Серебренникова, а также В. Д. Димитриева и Н. А. Андреева «кажутся тенденциозными и неверными» и т. д. Автор книги поставил перед собою задачу исправить ошибку «нескольких поколений ученых», которые «без учета исторических корней» булгарского и чувашского языков «ставили знак равенства между чувашами и булгарами».

Совершенно справедливо, что автор особое внимание уделил имеющимся на эпитафиях второго стиля числительным от 1 до 700. В приведенных им числительных Г. В. Юсупов видит следующие особенности. «Во-первых,— пишет он,— отмечается аналитическая форма в образовании сложных числительных:

سكر وان, (татарское *сиксән* ‹80')

طجر وان (татарское *туксан* ‹90')

наподобие чувашского *тухрванн* или ойротского *тугузон* и др.» (стр. 72—73).

Говорить «наподобие чувашского» явно недостаточно; это — числительные современных чуваш диалекта виръял: *с(а)кр̆во*^{а}*н*, *т(ă)хр̆во*^{а}*н* (в письме *сакăр вуннă*, *тăхăр вуннă*); от всех остальных тюркских языков, в том числе и татарского, они отличаются тем, что в конце названий единиц вместо общетюркск. *в* имеют *р*, а на месте лабиализованного общетюркск. *о* (*он* «десять») в чувашском появляется протетическое *в*. Что касается последнего звука, он в чувашском стоит всегда на месте общетюркск. *о*, *ō*, *у*, *ӯ*: татарск. *ул*, чув. *вăл* «он», татарск. *озын*, чув. *вăрăм* «долгий, длинный», туркм. *олта*, чув. *вăлта* «удочка», киргизск., турецк. *отуз*, татарск.

утыз, чув. *вăтăр* «тридцать»; татарск. *өч*, чув. *виҫ(çё)* «три», татарск. *ун*, чув. *вун(нă)* и т. д.[1].

Последнее фонетическое явление из всех тюркских языков свойственно только чувашскому и частично некоторым финно-угорским языкам. Исследователь венгерского языка М. К. Палло в статье «К вопросу о чувашском протетическом *«в»* говорит, что это явление следует отнести ко времени венгерско-чувашских и марийско-чувашских языковых связей, когда венгерские и марийские языки в течение определенного времени подвергались влиянию древнечувашского. Подтверждением тому служат одни и те же слова с протетическим *в*, имеющиеся в венгерском и марийском языках. Приведем примеры, которые М. К. Палло считает наиболее достоверными заимствованиями: венг. *vályú* ~ западномарийск. *βal* < древнечув. **vāluγ* < древнетюркск. *ōlug* «желоб, лоток»; восточновенг. *vêk* ~ западномарийск. *βäk* < древнечув. **vägü* < древнетюркск. *ögü* «прорубь»; венг. (*kötél*) *verö* ~ западномарийск. *βäränь* «веревка» < древнечув. **vär* < древнетюркск. *ör* «вить веревку»[2].

Современные татарские формы отличаются от современных чувашских тем же отсутствием протетического *в* в начале слов. Ср. чув. *валак*, татарск. *улак* «желоб, лоток», чув. *вĕрен* «веревка», татарск. *уру* «вить (веревку)», чув. *вак*, татарск. *бәке* «прорубь». Тот факт, что ни современному татарскому языку, ни его предку не было свойственно протетическое *в*, подтверждается также рядом старых заимствований из русского языка, начальное *в* которых в татарском заменяется, как правило, губно-губным *б*: *вагон* — татарск. *багун*, *весь* — татарск. *бич*, *ведро* — татарск. *бидрә*[3] и т. д.

Наличие в венгерском языке слов с древнетюркским лабиализованным гласным *о*, по остальным признакам совершенно совпадающих с современным чувашским (венг. *ökör*, чув. *вăкăр*, общетюркск. *ökös* и др.), говорит о том, что фонетический закон с протетическим *в* вступил в силу гораздо позднее. Все это согласуется также с мнением Б. А. Серебренникова, что «протетическое *в* возникло только в языке камских булгар на территории их расселения в Камской Булгарии»[4].

Далее Г. В. Юсупов пишет, что «в дате часто встречаются числительные в количественной форме вместо порядковой: سكر جال جورجرم جيبات» (стр.73). В целом эта фраза весьма близка к современному чувашскому языку: *çич çĕр çирм çакр çол* «семьсот двадцать восемь год», т. е. семьсот двадцать восьмой год. По мнению автора, «нередко мы имеем и порядковые числительные, образованные при помощи суффикса *м*: وجم, «третий», توتم, «четвертый», سكرم «восьмой» и т.д. Явление это также свойственно только современному чувашскому языку. Доказательство тому — наличие и по сей день порядковых числительных *виҫĕм* «третий», *тăватăм* «четвертый», *çичĕм* «седьмой» и др., образованных с суффиксом *м*: *те виҫĕм кунччĕ*, *те тăватамччĕ* («это было не то позавчера, не то четвертого дня») и др. Такого суффикса нет ни в одном из существующих других тюркских языков.

Говоря об образовании порядковых числительных суффиксами شش, نشم, и приводя ряд примеров из эпитафий, Г. В. Юсупов замечает, что «аффикс نشم близко напоминает аффикс *нч* татарских числительных» (стр. 74). Если аффикс نشم «напоминает *нч* татарских числительных», следовательно, первый свойствен чувашскому. «Можно предполагать,— справедливо пишет Ф. Г. Исхаков,— что чувашский аффикс *-мĕш* есть фонетическая разновидность аффикса *-нч*, употребляемого, например, в языке орхонских памятников»[5].

Несколько слов об усеченном форманте. Ни в одном из живых тюркских языков, кроме чувашского, *ш* не сохранился. Правда, современные числительные формы *икĕш*, *виҫĕш*, *тăватăш* и т. д. обозначают скорее всего совокупное количество, например: *тăватăш лараççĕ*, *виҫҫĕш выртаççĕ* («четверо сидят, трое лежат»), но этот факт не отрицает использование форманта *ш* для образования чувашских числительных имен. Аналогичное явление, весьма близкое к чувашскому, существует в якутском языке[6], в котором на месте чув. *ш* стоит *с*: *уон* «десять», *онус* «десятый» (ср. чув. *вунăш*), *сиэтте* «семь», *сэттис* «седьмой» (ср. чув. *çичĕш*).

Ф. Г. Исхаков, ссылаясь на автора «Грамматики якутского языка» (М., 1938) С. В. Ястремского, пишет, что *-ис*, *-ыс*, *-ус*, *-с* якутского языка исторически более позд-

[1] Исследователь татарских говоров нагорной стороны Татарской АССР Н. Б. Бурганова пишет, что в нурлато-кайбицком подговоре звук *у* литературного языка в слове *ул* «он» заменяется восходящим губным дифтонгом *wo*, например: *жаңа wол* вместо *яңа ул* «он новый», *китә wол* вместо *китә ул* «он уходит», *мында wол* вместо *монда ул* «он здесь» и т. д. «Дифтонг *wo* подговора,— пишет автор,— может рассматриваться как влияние чувашского языка» («Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР». Сб «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, стр. 42).

[2] M. K. Palló. Zur Frage der tschuwaschischen *v*-Prothese. «Acta orient. hung», т. XII, ч. 1—3, 1961, стр. 42.

[3] «Диалектологический словарь». Казань, 1958.

[4] Б. А. Серебренников. К истории звуков чувашского языка. «Уч. зап. Научно.-исслед. ин-та языка, лит-ры, истории и экономики Чуваш. АССР». Вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 82.

[5] Ф. Г. Исхаков. Числительное. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 193.

[6] См. Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, ч. 1, Якутск, 1947, стр. 148.

ние, чем *-нчы, -нчи* других тюркских языков[7]. После этого вряд ли можно сомневаться, что формы числительных в эпитафиях اكنشى, اكنشى, اكشى не свойственны современному чувашскому языку, тем более что переход *н* в *м* в чувашском языке является общепризнанным фактом, а образование порядковых числительных при помощи *нш, ш*, по словам самого же автора, пока не известно татарскому языку (стр. 75). Что же касается топонимики *Орымширма, Икширма, Караширма, Яуширма, Ямаширма, Шуширма, Баллыширма*, то во втором компоненте приведенных слов, т. е. в слове *ширма*, автор хочет видеть татарское слово *чишмә*, тогда как оно в действительности восходит к перс. چشمه (*чāшме* «источник» от چشم «глаз» и суффикса ه — *е*) и к чув. *çирма* «река, ручей», образованному от *сир* «чертить, оставить след, писать» и аффикса *-ма*, никакого отношения не имеет. Автору это нужно для того, чтобы показать, что в татарском-де, подобно булгарскому, существует чередование *ч//ш//р*, и таким образом доказать прежде всего возможность образования в татарском языке порядковых числительных с помощью аффиксов *нш* и *ш*, соответствующих *нч* и *ч* булгарских числительных. Чередование же звуков *ш // с // ç* в чувашском языке вплоть до нынешних дней распространено в ядринско-красночетайско-моргаушском говоре. Кроме того, татары называют «воду» не в чувашской форме *шу* (см *Шуширма*), а *су*, точно так же слово «длинный» называют не *орым* (см. *Орымширма*), а *озын* (ср. булг. *Орымширма* и чув. *Вăрăмçирма* «длинная река»). Приведенная булгарская топонимика почти полностью соответствует современным чувашским названиям во многих районах расселения чувашей.

Автор книги безапелляционно заявляет, что «глубоко ошибочен применяемый до сего времени в отношении булгарского языка на надгробиях термин „чувашизмы“» (стр. 98). Но, противореча своему выводу, он в результате разбора порядковых числительных, образованных, в частности, при помощи аффикса *м*: وچم, بيالم, توالم, (стр. 73) (ср. чув. *виҫĕм* «третий», *тватăм* «четвертый», *пилĕм* «пятый» и т. д.), признает, что употребление в булгарском языке аффикса *м* следует объяснить диалектальным явлением в булгарском языке(стр. 75). Этим диалектом булгарского языка, что ни делай, оказывается чувашский язык.

Наконец, о так называемом «чередовании звуков ر, ز в языке казанских татар» (стр. 74). Автор книги пытается доказать, что язык современных татар представляет собой продолжение языка камских булгар. По его мнению, редкие диалектные слова на *р//з* (*қандыр//қандыз, кӱр кӱз, шар-басу*, а также корреспонденция звуков *р//з* в таких словах, как *белгезӱ — белдерӱ* и др., позволяет предположить в прошлом бытование в татарском языке и числительных, оканчивающихся на ر. Например, «подставив в طحر, وطر, جور, корреспондирующий звук ز,— пишет Г. В. Юсупов,— получим طحز (*тохов//токов*), وطز (*отоз*), جوز (*жӧз*)» (стр. 74—75).

Все это, разумеется, неубедительно. Оттого, что заменили конечное *р* буквой *з* оказывается, исчезает начальное протетическое *в*, свойственное, как мы уже сказали, чувашскому языку, и приближается к произношению современного татарского языка. Выходит, не чув. *т(ă)х(ă)р* «девять», *в(ă)т(ă)р* «тридцать, *ҫ(ĕ)р* «сто», а татарск. *тохов// токоз, отоз, жоз*.

Если предположить, что в языке казанских татар существовали числительные на *-р*, то следует допустить, что и другим частям речи и языку в целом был свойствен ротацизм, чего быть не может.

Автор говорит, что на эпитафиях второго стиля встречаются формы جور и جوز, правда, не указывая, на скольких именно памятниках зарегистрировано слово *сто* с конечным *з*. Если допустить, что в памятниках второго стиля встречается слово *сто* с конечным *з* (جوز), то как же быть тогда с вопиющим нарушением фонетического закона для одного и того же случая написания? Например, на табл. 3 рядом с جوز стоит طحور Или: на табл. 11 рядом со словом *сто* числительное *тридцать* транскрибировано с конечным *р*: وطر جوز. Выходит, что для написания числительных в одном и том же случае существовало два фонетических закона. Признать это невозможно. Можно только полагать, что заготовщик могильных камней писал на смешанном чувашско-татарском языке, если современные эпиграфисты не впадают в ошибку.

Что касается тех татарских слов на *р*, которые автор приводит как чередующиеся варианты на *з*, то их следует считать не иначе как осколками булгарской лексики, впоследствии вошедшими в татарский язык совершенно так же, как и в чувашский: татарск. *қандыр*, чув. *хăнтăр* «бобр», татарск. *шар*, чув. *шур* «болото» и т. д.

Чтобы доказать, что «в истории татарского языка чередование *р//з* было довольно распространенным», автор, кроме перечисленных примеров, приводит еще *кӱр//кӱз* и *қызқырқын*.

Татарскому *кӱр* соответствует чув. *кур* «смотреть», татарск. *кӱз* — чув. *куҫ* «глаз». Значит, и татарская, и чувашская формы друг от друга ничем не отличаются, и это чередование возникло не в эпоху волго-камских булгар, а на много столетий раньше, быть может, еще в алтайскую эпоху развития тюркских языков. По этому поводу Н. А. Баскаков пишет следующее: «...соответствие *р~ з* и *л~ш/с* характерно не только для чувашского языка по отношению его к другим тюркским, но следы этого соответствия сохранились и в лексике других тюркских языков либо в виде исторических синонимов, либо в виде различных слов, получивших новую семантику, по которой

[7] Ф. Г. Исхаков. Указ. соч., стр. 193.

уже трудно установить связь, например, между словами с чередующимся согласным *р ~ з*, с одной стороны, и словами с чередующимися согласными *л ~ ш/с*, с другой. Например, чувашск. *çул*=общетюркск. **йаш*: 1) «год», «возраст»; 2) «слеза», с одной стороны, и соответствие внутри общетюркск. **йаш* «*год*», «возраст» и **йыл* «год», с другой; чувашск. *пилĕк*=общетюркск. **беш* «пять», с одной стороны, и соответствие внутри общетюркск. **беш* «пять» и *билек* «часть руки между локтем и кистью», с другой, а также древние соответствия *кӧр*=«видеть» и *кӧз* «глаз»; *йерт*=«идти по следу», «следовать» и *из* «след» и пр.»[8].

Существование татарского словосочетания *қыз-қырқын*, как кажется автору, есть «самый выразительный пример пережитка бытования ротацизма в татарском языке, наследования его булгарскому языку». Автор сопоставляет его с чув. *хăрхăм*, чтобы обосновать свой безоговорочный вывод. *Хăрхăм* состоит из *хăр* и *хăм*. В первом слове легко узнается современное чув. *хĕр* «девушка», а во втором проф. В. Г. Егоров не без оснований видит орхоно-енисейскую форму *кӱн*[9]. Тогда нетрудно заметить, что и татарск. *қырқын* и чув. *хăрхăм* являются словами родственными и обозначали когда-то «невольницу-женщину» вообще. *қыз-қырқын* относится к категории таких же татарских слов, как *кыз-бала*, *кыз-хатын*, когда в результате прибавления слова *кыз* к этим словам, имеющим значения сами по себе (*бала* «дитя», *хатын* «жена»), возникли новые значения: *кыз-бала* «девочка», *кыз-хатын* или *хатын-кыз* «женщина». Разве можно вообще считать веским утверждение автора, что «татарскому *қ* соответствуют булгарские *х* и *h*, а чередование *h* — *х* является характерным для татарского языка и ныне», если на булгарских эпитафиях ясно зафиксирована чувашская форма هير حوم (табл.5, 7, 13), т. е. *хир хум* > *хăр хăм* «девушка-рабыня»?

Добавим, что слово هير, зафиксировано также в притяжательной форме هيرى (табл. 37); оба они, буквально, совпадают с современным чув. *хĕр* «дочь», *хĕрĕ* «дочь его», в противоположность общетюркск. и казанско-татарск. *кыз* и *кызы*. Так же обстоит дело с булгарским названием пятницы آرنى كون (табл. 14). Данное слово следует читать *арня*, т. е. так, как его произносят современные чуваши (виръялский диалект), мари, удмурты. Однако татары опять-таки этот праздничный мусульманский день сохранили в форме *атна*, которая восходит к перс. آدينه *адинэ* «пятница».

Все-таки непонятно, как это в татарском языке, который, по словам автора, является прямым продолжением булгарского, вдруг исчез звук *р* и возник древнетюркский звук *з*? Объяснение, будто булгары в результате культурно-экономических связей с *з*-язычными тюрко-мусульманскими народами Юга в XII—XIII вв. потеряли древние черты языка, и в первую очередь — ротацизм, противоречит конечному выводу автора, что современный казанско-татарский язык является прямым продолжением булгарского языка на его же этнической основе.

О чередовании *л//ш*. Нам думается, что в действительности вряд ли на каком-либо могильном камне раннего периода было выгравировано слово بش «пять». Количественные и порядковые числительные *пять*, *пятый* даны в таком виде: بيلم, بيالم, بلج, بلج. Пример же *камыл — камыш*, приводимый в качестве современного чередования *л—ш*, не типичен. Точно такую же пару слов имеет чувашский язык: *хăмăл* «жнивье», «пожниво», *хăмăш* «тростник, камыш», которые вряд ли могут быть этимологизированы к одному корню.

Говоря о разночтениях одних и тех же числительных, не надо забывать и тот факт, что арабская графика была хороша для арабского языка, но не булгарского. Поэтому вполне естественно, что встречающиеся расхождения объясняются неприспособленностью арабского письма для языка тюркского строя. Надо иметь в виду и тот факт, что каменщик мог говорить не на булгарском языке, он мог быть кипчаком, ибо в те времена в Булгарии уже немало было кипчаков-татар.

После разбора языковых особенностей эпитафий автор заявляет, что «из консолидации древнебулгарского языка в течение длительного времени с огузо-кипчакскими языками получился современный казанско-татарский, близкий к языку 1-го стиля надгробий, со многими элементами древнетюркского языка». Возникает вопрос: какой же язык, чей грамматический строй победил в этом процессе? Разумеется, кипчакско-половецкий с характерным зетацизмом, свойственным современному татарскому, иначе нельзя было бы понять слов автора, «что кипчакский и огузский языки, наслоившись на древнебулгарский, р е з к о и з м е н и л и направление его развития» (разрядка наша.— *М. Ф.*).

Для доказательства «генетической связи казанских татар с булгарами» утверждения, подобные следующему: «числительные ....будучи наиболее употребительными и первостепенно важными в межплеменном обмене и торговле... подвержены изменениям (нивелированию) гораздо сильнее, чем другие слова»,— неубедительны. Булг. *с(а)кр*, *т(ă)хр*, *вон*, *в(ă)тр* и др. не могли превратиться в татарск. *сикез*, *тукыз*, *ун*, *утыз*, так как в действительности последние, как и рассмотренные выше, имена восходят к архетипам языка — основы с согласным *з*. Здесь уместно вспомнить справедливое замечание Б. А. Серебренникова о том, что «подобные скачки могли происходить толь-

[8] Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 31—32.

[9] См. В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1954, стр. 43.

ко в представлении некоторых товарищей, пожелавших, чтобы язык казанских татар происходил от языка булгар. В реальной действительности никогда не наблюдалось таких чудес, чтобы слова одного языка через тысячу лет снова возвращались в исходное состояние»[10].

Даже при самом беглом знакомстве с рассмотренными фонетическими особенностями, отраженными в эпитафиях второго стиля, нельзя отрицать трех решающих фактов: во-первых, наличия протетического *в* в булгарском и чувашском языках, которого нет ни в татарском, ни в любом другом тюркском языке; во-вторых, ротацизма древнего *р*, который пронизывает как булгарский, так и чувашский язык; в-третьих, ламбдаизма древнего *л* булгарских памятников и современного чувашского языка.

Если объективно подходить к фактам, нет никакого основания отрицать «чувашизмов», имеющихся в эпитафиях XIII—XIV вв. Наличие осколочных форм лексики с ротацизмом и ламбдаизмом в татарском языке отражает лишь сохранение булгарских слов в их первородном состоянии. И поэтому утверждение, что «к X—XI вв., т. е. ко времени образования Булгарского феодального государства, булгарский разговорный язык исчез и образовался новобулгарский», т. е. татарский язык, а «бытование древнебулгарского языка (до 1359 г.) на камнях-святынях булгар было уже только пережиточным существованием его как языка надгробий», — не может быть принято.

Никто из ученых не отрицает близости языка волжских булгар к современному чувашскому, точно так же, как никто не утверждает, что язык казанских татар не имеет отношения к булгарскому. Обзор книги хотелось бы завершить словами тюрколога А. Н. Самойловича, что «казанско-татарский литературный язык вместе с казанско-татарским разговорным диалектом поныне с полной ясностью сохраняют преемственную свою связь с кыпчацким языком XI—XIV веков...»[11].

[10] Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 73.

[11] А. Самойлович. К истории крымско-татарского литературного языка. «Вестн. научн. об-ва татароведения». [Казань], 1927, № 7, стр. 27.

М. Р. Федотов

ДРЕВНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИЗДАНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО УЧЕНОГО

В 1962 г. в Висбадене (ФРГ) вышла книга, посвященная «Слову о законе и благодати» [1]. Это уже не первое свидетельство активного интереса современных зарубежных ученых к древнейшему периоду истории русской литературы, к истории одного из старейших ее видов — ораторского искусства. Появились и новейшие переводы «Слова» на немецкий и французский языки (они упомянуты в тексте и указаны в библиографии рецензируемой книги).

Автор книги — Лудольф Мюллер — также не впервые обращается к изучению истории и литературы Киевской Руси: им была опубликована серия статей о литературных произведениях, связанных с именами князей Бориса и Глеба, книга о юридическом положении русской церкви в первой половине XI в.[2]. В своей новой книге он выступает в роли зачинателя работы по восстановлению аутентичного текста «Слова о законе и благодати», без которого, как автор справедливо отмечает, невозможно дальнейшее и более глубокое изучение этого произведения. Поэтому три четверти книги Л. Мюллера занимает публикация текста «Слова» и других, приписываемых Иларион произведений, с обширнейшим текстологическим и реальным комментарием. Эта публикация «дословно и буквально», по словам Л. Мюллера, воспроизводит первое издание названных произведений, вышедшее в 1844 г. известным русским ученым-археографом А. В. Горским [3]. В подстрочных примечаниях разбираются многочисленные разночтения из других опубликованных списков «Слова», а также из некоторых произведений древнерусской литературы, испытавших на себе его влияние. Все это, по мнению Л. Мюллера, должно положить начало работе по реконструкции аутентичного текста «Слова» — работе, которую необходимо будет продолжить на основании изучения остальных, пока еще неопубликованных его списков. Против этого трудно возражать, но следует прежде всего посмотреть, какими средствами осуществляет немецкий ученый свое намерение начать большую и ответственную работу по текстологическому исследованию одного из древнейших памятников русской литературы.

Сначала — о принципах и качестве публикации текстов в изданиях, которыми пользуется Л. Мюллер. Принципы эти разные, если не сказать противоположные.

Относительно первого издания «Слова о законе и благодати» Л. Мюллер пишет,

[1] Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstaufgabe von 1844 neu herausgegeben, eingeleitet und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962.

[2] L. Müller. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhändigkeit der russischen Kirche vor 1039, Köln, 1959.

[3] Памятники духовной литературы времени великого князя Ярослава I. М., 1844.